

УДК 340.5
DOI 10.52452/19931778_2024_1_112

ЛИТОВСКИЙ СТАТУТ КАК ИСТОЧНИК РУССКОГО ПРАВА

© 2024 г.

Н.Л. Назарова

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

89331@list.ru

Поступила в редакцию 18.10.2023

Статья посвящена сравнительному анализу Литовского статута и Соборного Уложения в контексте исследования уголовного права. Литовский статут был создан в XVI в. в результате длительной работы над кодификацией норм обычного права Литвы, Русской Правды, норм магдебургского и канонического права, рецептированного римского права. Цель работы – выявление особенностей развития уголовного права в Литовском статуте и связи с аналогичными разделами Соборного Уложения 1649 г. Для достижения поставленной цели использовался метод сравнительно-правового анализа. В статье выявляется связь в развитии литовского и русского права. Итогом исследования является вывод о том, что статьи Литовского статута, составленные ранее Соборного Уложения, в значительной степени превосходят подобные разделы Соборного Уложения, сходным оказывается подход законодателей к понятию преступления, проблеме ответственности несовершеннолетних и институту свидетелей.

Ключевые слова: Литовский статут, Соборное Уложение, преступление, вред, свидетель, наказание.

Три законодательных акта, которые исследователи объединяют под единым названием Литовский статут, являются памятником права Литовско-Русского государства, имеющего в истории статус Великого княжества Литовского. Связь Русского централизованного государства и Великого княжества Литовского, общность их исторической судьбы в определенный хронологический период неоднократно исследовались отечественными специалистами [1]. Внимание юристов к вопросам развития государства и права Юго-Западной Руси было менее значительным, тем не менее Литовский статут не был абсолютно неизвестен для исследователей. Еще М.Ф. Владимирский-Буданов указал на Литовский статут как на источник Соборного Уложения 1649 г. [2, с. 22]. Непосредственно в преамбуле Соборного Уложения нет указания на то, что Литовский статут использовался при его составлении, однако В.А. Томсинов полагает, что круг источников Уложения был шире указанного [3, с. 2].

Исследование связи Литовского статута и Соборного Уложения продолжают не только российские историки права, но и специалисты Беларуси, при этом сетуя на недооцененность этой проблемы [4, с. 310]. Чаще всего исследователи Соборного Уложения упоминают Литовский статут, перечисляя источники данного свода законов [5, с. 55], не уточняя степень влияния литовских норм права на составителей Уложения. При этом исследователи отмечают, что интерес к Литовскому статуту в Русских

землях в XVII в. существовал. В.А. Томсинов отмечает, что царь Алексей Михайлович давал указание о переводе Литовского статута [6, с. 68]. С.В. Кодан включает Литовский статут в процесс систематизации российского законодательства, выделяя при этом несколько этапов взаимодействия российского и литовского права [7, с. 19].

В конце XIV века в Великом княжестве Литовском правовая система не была ни единой, ни монолитной. Действовали и каноническое право, православной и католической церковью, и нормы светского законодательства, как русского, так и немецкого и польского. В этой неоднородной правовой среде в течение XVI в. появились три Литовских статута 1529, 1566 и 1588 г. Статуты не были результатом простой компиляции правовых актов, а представляли собой продукт правотворчества, который сейчас историки права Литвы считают практически не имеющим аналогов в Западной Европе [8, с. 198].

Первый Литовский статут, принятый в 1529 году, объединил элементы различных правовых систем, существующих в Великом княжестве Литовском. Литовские статуты охватили практически все отрасли права, их текст отражал укрепившиеся в Европе в эпоху Возрождения идеи антропоцентризма. Такими были нормы семейного права, закрепленные Литовским статутом, предусматривающие определенную самостоятельность женщин. Последний из Литовских статуту регулировал различные виды договоров, в частности купли-продажи, дарения,

аренды, задатка и т.п. Также он содержал стандарты, распространяющиеся на другие вопросы, связанные с договорным правом, в частности представительство, удержание, доказательство задолженности. Можно было бы предположить, что столь подробная и тщательная проработка вопросов гражданского права была следствием рецепции римского права. Однако историки права утверждают, что в XVI в. жители Великого княжества Литовского не знали римского права [9, с. 17].

Общественные отношения регулировались прежде всего обычным правом, которое сформировалось в XII–XIII веках, и такое положение сохранялось до принятия первого Литовского статута (1529 г.). Единственную возможность влияния рецепции римского права можно усмотреть в распространении канонического права римской католической церкви, которая начала проникать в Великое княжество Литовское после заключения Кривской унии в 1385 г. Также некоторое влияние норм римского права могло иметь место благодаря знаниям, полученным в университетах выходцами из Великого княжества Литовского и впоследствии переданным в процессе разработки законопроектов Статута, а также административной и судебной практике.

Также источниками Литовского статута были магдебургское право, представлявшее вариант права городов, и Судебник Казимира 1468 г. Большая часть правовых норм, заимствованных у поляков, содержится в артикуле V статута 1529 г., где речь идет о праве опеки, которое не было развито в Великом княжестве Литовском.

Статут 1529 г. написан на западнорусском языке и состоит из 13 глав (244 статей), посвященных политическому порядку Великого княжества Литовского (артикулы I–III), судебной системе (IV), праву частной собственности (V–X), уголовному праву и уголовно-процессуальному праву. Статьи Литовского статута регулировали возмещение ущерба от выпаса скота и изъятия скота, поручительство и наследование имущества, включая наследование женщин, брак девушек и их опеку, штрафы и наказания за ранение и убийство, определяли правила преследования вора и принесение присяги, денежные расчеты и сроки исковой давности, фирменный суд и его производство, судебные пошлины. В качестве правового акта Статут 1529 г. расширил права дворянства при сохранении власти в руках великого князя и магнатов, узаконил зависимость крестьян; изменил судебную систему. Статут уравнивал права католиков и православных и подтвердил, что это право распространяется и на людей «греческой веры». Этот Статут

юридически учредил высшие правительственные и судебные учреждения Великого княжества Литовского.

Практически сразу после опубликования Статута 1529 г. мелкое дворянство стало высказывать недовольство и требовать внесения изменений. Вопрос о новой редакции Статута поднимался на нескольких заседаниях Сейма. Поправки было решено внести в 1564 году, но в это время шла Ливонская война, и только в 1566 году комиссия из 10 человек (5 католиков и 5 православных) подготовила вторую редакцию Статута. В него уже вошли все новшества, появившиеся в результате произведенной в то время реформы судов. Второй Статут был принят в 1566 году. Он узаконил разделение правового статуса жителей Великого княжества Литовского по национальности и вероисповеданию, формализовал представительство дворян в Сейме, определил правила избрания дворянских земельных судов. Эта вторая редакция Статута была гораздо шире и более продвинута в плане систематизации.

Поскольку вторая редакция Статута также требовала исправлений, в 1588 г. была опубликована третья и последняя редакция. В состав Статута были включены 488 статей.

Литовский статут фактически был создан для регулирования правоотношений привилегированных сословий Великого княжества Литовского, дворянства и духовенства. Статут не противоречил каноническому праву, в то же время он считался выше магдебургского права, которое применялось только для регулирования отношений между горожанами. Нехристианские этнические общины Великого княжества Литовского (евреи, караимы, татары, цыгане) и армяне были исключены из Литовского статута (как «бесурмены») и получили право заключать между собой договоры и сделки по своим правовым системам, утвержденным привилегиями Великого князя.

Судьям разрешалось при отсутствии в Статуте нормы права руководствоваться обычаем, однако адаптированную норму обычного права необходимо было немедленно представить для получения санкции Сейма и в дальнейшем зафиксировать в Статуте.

Особое место в составе Литовского статута занимают нормы уголовного и уголовно-процессуального права. Прежде всего, не давая четко сформулированного определения преступлению, Литовский статут воспринимает сущность преступления через постоянный отличительный признак явления, при этом сущностью преступления является опасность покушения, т.е. посягательство на охраняемые законом

права, когда причинен большой вред или возникла угроза такого вреда. В Литовском статуте первой редакции под преступлением понимается прежде всего «кривда» — неправда, несправедливость по отношению к потерпевшему, иными словами, причинение ему объективного вреда. Моральная составляющая термина «кривда» напоминает об «обиде» Русской Правды и Судебников XV–XVI вв.

Кроме того, преступление именуется также «выступ», т.е. нарушение черты закона, дозволенного. Преступление здесь — действие, запрещенное законом, нарушение правопорядка, установленного Великим князем [10, с. 79]. Можно сказать, что запрет деяния законом необходим и значим постольку, поскольку он помогает точно определить содержание понятия преступления, установить четкие границы преступного деяния. Для третьей редакции Литовского статута также характерно восприятие преступления как социального зла, поэтому преступник должен быть наказан не только для восстановления общего блага, но и чтобы «своевольные преступники не были убиты» (например, редакция III, артикул I, статья 25, артикул IV, статья 32, 62, 105, артикул XI, статья 14, артикул XIV, статьи 29, 30). Во второй и третьей редакциях Литовского статута указывается, что нарушение спокойствия государства является преступлением, государство при этом «повреждено», растет беспокойство тем, что преступник должен быть пойман и наказан (например, третья редакция, артикул I, статья 25, артикул III, статья 32, артикул IV, статья 32, артикул XI, статья 14). Наказание должно быть возмездием преступнику за его «злые дела» и «своеволие». В понятии преступления третьей редакции Литовского статута самое главное — нарушение закона, недобросовестность, преступность такого деяния — увеличение количества деяний, классифицируемых как публичные преступления. Понятие преступления-вреда не забыто (напр., третья редакция Статута, артикул IV, ст. 31, 32, артикул XI, ст. 27), но это не важнее значения опасности преступления для общества.

Соборное Уложение использует понятие «лихое дело», которое содержалось еще в Судебниках XIV–XV вв., уточняя его. Возможно, что первоначально «лихое дело», которое не упоминается в Русской Правде, представляло собой любое разрушительное, нарушающее установленный порядок действие. Затем, по мере развития права, у «лихого дела» появились признаки, которые позволили привязать этот термин к понятию преступления. Не в последнюю очередь это произошло под действием

эволюции представления о преступлении, выраженной в трех редакциях Литовского статута. А.Н. Федорова отмечает, что к обозначению преступлений в Соборном Уложении имеют также отношение термины «дурно» и «воровство» [11, с. 46].

В Литовском статуте принципиальное значение имеют объективные признаки, прежде всего вред как следствие преступного деяния. Термин «вина» в Литовском уставе относится к деянию, наказуемому уголовной ответственностью. Эта категория не имеет моральной оценки. «Вина» целенаправленно материализуется, ее смысл по существу адекватен денежному наказанию, ее материальный эквивалент зафиксирован даже в третьей редакции Литовского статута, например в артикуле XI, ст. 4, 11, 23, 27. «Виновным» является тот, кто обвиняется в преступном деянии, ведь основную роль играет субъект, испытывающий негативные последствия, вина не связана с духовной или интеллектуальной деятельностью субъекта, скорее это состояние ответственности, т.е. понимается как совокупность обстоятельств, необходимых для привлечения лица к ответственности, включающая множество объективных признаков (обстоятельства совершения преступления, действие, его характер, состояние субъекта и т. д.).

Также следует отметить, что вина в Литовском статуте охватывает само преступное деяние, психическое отношение преступника к совершенному деянию выражалось не в термине «вина», а категории злого умысла или его отсутствия. Умышленные преступления отличаются Статутом от косвенных, однако в первую очередь Литовские статуты направлены на раскрытие не вины, а вопроса о наказании с учетом характера деяния.

Поэтому в Литовском статуте не игнорируется субъективная сторона преступления, преступлением здесь является «злость», эквивалентом данному выражению может быть «предосудительное, постыдное деяние». Именно поэтому более строгое наказание Литовским статутом назначается при наличии обстоятельств, свидетельствующих о злой воле преступника, или повторения преступления, особого преодоления препятствий при совершении преступления, особых отношений между потерпевшим и преступником, учитываются также способ совершения преступления, форма умысла и соучастия.

При определении наказания Литовский статут исходит из субъективных характеристик дела. Артикул XI, ст. 28, артикул IV, ст. 25, 105 и т.д. третьей редакции Литовского статута содержат положения о важности возраста и возможного душевного заболевания при вынесе-

нии приговора. Для несовершеннолетних определены более мягкие наказания, душевнобольные освобождаются от ответственности за малоопасные преступления, а в более тяжких случаях предусмотрена ответственность, но назначается более мягкое наказание (например, вторая редакция Статута, гл. XIV, ст. 8; третья редакция Статута, артикул XI, ст. 35, артикул XIV, ст. 11, артикул I, ст. 4, артикул IV, ст. 105). Вторая редакция Статута предусматривала возраст ответственности с 14 лет, а в третьей редакции этот возраст увеличен до 16 лет. За повторное правонарушение несовершеннолетний наказывается телесным наказанием по усмотрению суда. Смертная казнь несовершеннолетнему не была назначаема.

Также Статут демонстрирует определенные представления о причинно-следственной связи, например если человек умер от травмы более чем через 24 часа, то преступник не нес ответственности за убийство, поскольку считалось, что по прошествии такого срока связи между событиями уже нет. Были также предусмотрены институты необходимой обороны и крайней необходимости. Так, различие между умышленными и неумышленными преступлениями подготовило почву для оценки субъективного принципа при назначении наказания по II и III редакциям Литовского статута.

Вслед за Литовским статутом Соборное Уложение указывает душевную болезнь как основание для освобождения от юридической ответственности. Законодатель не указывает, какие именно состояния можно считать признаком душевной болезни, кроме «ошалелости» и «простомия». Тем не менее можно считать, что в середине XVII в. определенные знания о том, как проявляются душевные болезни, были, тем более что уважаемое в народе юродство часто могло выглядеть как состояние «ошалелости».

Вместе с тем иногда наличие физического недостатка, травмы или душевной болезни не избавляло от ответственности. Это могло быть предусмотрено в случае убийства и вообще преступления против жизни, здоровья, телесной неприкосновенности. Если человек заболел психическим заболеванием, не принял никаких мер предосторожности и совершил преступление, его наказывали более сурово, ссылаясь на то, что, зная о своей неполноценности, он должен был позаботиться о адекватной защите.

Не прошли законодатели и мимо института соучастия. Литовским статутом был предусмотрен институт соучастия, но четко он не был определен. Виды соучастия включают как сообщничество, так и сокрытие обстоятельств дела. Все сообщники наказывались одинаково,

за исключением случаев нападения, когда нападавший был один, а остальные его поддерживали, нападавший наказывается более сурово. В Статуте различались формы вины (умышленная и неумышленная, неосторожность). Преступления, связанные с преступным посягательством на отдельные охраняемые законом материальные блага, могли преследоваться по форме, которая обычно использовалась в преследовании преступлений против государства. Были предусмотрены стадии преступного деяния – подготовка и покушение. Стадия подготовки была достаточной для того, чтобы лицу было предъявлено обвинение в преступлении против государства, если оно совершило деяния, предусмотренные в первой статье Статута (вмешательство в здоровье Великого князя, нарушение великокняжеских регалий, фальшивомонетничество, измена, пропуск врага в страну в военное время и др.).

Институт соучастия по Соборному Уложению содержал разные степени вины, в том числе пособничество и подстрекательство, при этом тяжесть наказания не зависела от того, было ли соучастие прямым или второстепенным.

Квалификация уголовных преступлений в Литовском статуте позволяет вспомнить о квалификации по Соборному Уложению. По объекту их можно разделить на преступления против государства (отдельно выделяются военные преступления) и порядка управления (артикул I Статута), преступления против собственности (первая редакция Статута – артикулы VII, IX, XI; третья редакции Статута – артикулы IX, X, XIII, XIV), преступления против жизни, здоровья (первая редакция Статута – артикул VII, третья редакция Статута – артикул XI, артикул XIV), преступления против правосудия (первая редакция Статута – артикул VI, третья редакция Статута – артикул IV), преступления против нравственности (вторая редакция Статута – артикулы V, VIII, XI, X; третья редакция Статута – артикул XIV), преступления против чести и достоинства (третья редакция Статута – артикулы I, IV, XIII). Наказание, указанное в уставах, зависело также от социального статуса виновного: один вид наказания применялся к крестьянам, другой – к землевладельцам.

Статут в составе меры наказания сочетал несколько функций: возмездие за совершенное преступление, компенсацию нанесенного вреда (штрафы) и профилактическую (публичное исполнение наказаний). В зависимости от тяжести совершенного деяния и размера ущерба применялись такие наказания: 1) смертная казнь (которая, в зависимости от преступного деяния, может быть: сожжение, утопление, четвертова-

ние, сажание на кол, повешение, пытки); 2) нанесение увечий телу (вырезание ноздрей, разрывание тела клещами, увечье конечностей, избивание кнутом); 3) штрафы; 4) конфискация имущества; 5) тюрьма; 6) позорящие наказания.

Квалификация преступлений по Соборному Уложению почти полностью повторяет литовский законодательный акт.

Особое внимание и в Литовском статуте, и в Соборном Уложении уделяется институту свидетелей. Отметим, что если до появления Литовского статута регулирование этого института в Великом княжестве Литовском осуществлялось согласно Русской Правде [12, 6], то появление трех редакций Статута внесло существенные изменения в этот вопрос.

Литовский статут говорит об изменении статуса свидетеля. Теперь это уже не «свидетели доброй славы» и не послухи, а люди, которые дают показания под присягой. Положения первой редакции Статута показывают, что члены семьи (жена, совершеннолетние дети) или ближайшие соседи могут поддержать присягу в определенных случаях (ст. 4, 5, артикул VII). Важным критерием является сословная принадлежность свидетеля присяги: «если родственники убитого не хотят протестовать, заявляя, что их там не было, то убийца может оправдаться, присягнув втроем с двумя дворянами, даже если бы те дворяне были его слугами...» (артикул VII, ст. 16). Статьи 8 и 9 артикула XIII также предусматривали, что дворянин, обвиняемый в краже во второй или в третий раз, мог оправдать себя личной присягой вместе с двумя или тремя одинаково уважаемыми дворянами соответственно.

Соборное Уложение также уточняет статус свидетеля уголовного процесса, вменяя в обязанность дачу показаний под присягой. Исследователи Уложения полагают, что даже родители были вынуждены приносить показания под присягой в процессе, участниками которых были их дети [13, с. 227].

Литовский статут подробно определяет, кто именно может свидетельствовать под присягой. Это благонадежные христиане и татары, несущие военную службу, при этом свидетелями не могли стать лица, наказанные судом за проступки, слуги и феодальные служащие (старосты), умалишенные, сообщники. При рассмотрении отдельных дел присяга определяла исход дела даже при наличии надлежащих доказательств (ст. 30, 31, артикул XI третьей редакции Литовского статута).

Близость текстов Литовского статута в его трех редакциях и Соборного Уложения 1649 г. показывает нам, что в области развития право-

вой мысли и законодательства преград между Русским государством и Великим княжеством Литовским не было. Язык правовых актов, логика правотворчества, понимание основных правовых категорий были одинаковыми и в Москве, и в Вильно.

Три Литовских статута действовали на территории Русского централизованного государства, а затем и Российской империи более 300 лет, до 1840 года, когда на смену им пришел Свод Законов Российской империи. С 1785 года большая часть земель Великого княжества Литовского вошла в состав Российской империи, поэтому Литовский статут стал использоваться для регулирования правоотношений во вновь обретенных землях, при этом доминирование сохранялось за российскими законами. В конечном итоге действие Литовского статута на землях Российской империи было прекращено, поскольку Полный свод законов Российской империи представлял собой новый, более совершенный источник права.

Список литературы

1. Дворниченко А.Ю. Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М.К. Любавского // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 97–120.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Отношения между Литовским статутом и Уложением царя Алексея Михайловича (По поводу «Истории кодификации» С.В. Пахмана, СПб., 1876) // Сборник государственных знаний. СПб., 1877. 420 с.
3. Томсинов В.А. Соборное Уложение 1649 г. как памятник русской юриспруденции // Правоведение. 2007. № 1. С. 162–188.
4. Сатолин В.Н., Рапян Ю.Х. Статут Великого княжества Литовского 1588 г. и Соборное Уложение 1649 г.: сравнительно-правовой анализ // Статут Вялікага Княства Літоўскага 1529 года і яго гісторыка-тэарэтычнае асэнсаванне: Матэрыялы Міжнароднага навукова-практычнага круглага стала, прысвечанага юбілею гісторыка права, д-ра юрыд. навук, праф. Т. І. Доўнар, Мінск, 11 кастр. 2019 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: С. А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2019. С. 310–321.
5. Федорова А.Н. Соборное Уложение 1649 г. в системе источников права // Вестник СЮИ. 2014. № 3 (14). С. 53–60.
6. Томсинов В.А. История русской юриспруденции. X–XVII вв.: Учебное пособие. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Зерцало-М, 2017. 212 с.
7. Кодан С.В. Формирование системы законодательства в России (IX – середина XVII в.) // Вестник Уральского института управления, экономики и права. 2010. № 3 (12). С. 14–21.

8. Dambrauskaitė A. Le droit civile Lituanien: avant et apres l'adoption du Code civile en 2000 // *Jurisprudence*. 2010. № 3 (121). P. 195–211.

9. Лазутка С.А. I Литовский статут – феодальный кодекс Великого княжества Литовского / М-во высш. и сред. спец. образования ЛитССР. Вильнюс, гос. ун-т им. В. Капсукаса. Кафедра истории ЛитССР. Вильнюс, 1973. 211 с.

10. Kazlauskienė R. Nusikaltimo samprata Lietuvos Statutuose ir Corpus Juris Canonis // *Jurisprudencija*. 2004. T. 61 (53). P. 76–84.

11. Федорова А.Н. Понятие правонарушения по Соборному Уложению 1649 г. // *Евразийский юридический журнал*. 2012. № 1 (44). С. 44–47.

12. Bagdžius Ju. Laidavimas Lietuvos baudžiamojoje teisėje // *Teise*. 2019. № 112 (7). P. 6–20.

13. Куликовский А.П. Особенности правовой регламентации свидетельских показаний в Соборном Уложении 1649 г. и «новоуказных» статьях // *Проблемы в российском законодательстве*. 2011. № 5. С. 226–228.

LITHUANIAN STATUTE AS A SOURCE OF RUSSIAN LAW

N.L. Nazarova

The article is devoted to a comparative analysis of the Lithuanian Statute and the Cathedral Code in the context of the study of criminal law. The Lithuanian statute was created in the XVIth century as a result of long-term work on the codification of the norms of customary law of Lithuania, Russian Pravda, norms of Magdeburg and canon law, reception Roman law. The purpose of the work is to identify the features of the development of criminal law in the Lithuanian Statute and the connection with similar sections of the Cathedral Code of 1649. To achieve this goal, the method of comparative legal analysis was used. The article reveals the connection in the development of Lithuanian and Russian law. The result of the study is the conclusion that the articles of the Lithuanian statute, compiled earlier than the Cathedral Code, largely anticipate similar sections of the Cathedral Code; the approach of legislators to the concept of crime, the problem of the responsibility of minors and the institution of witnesses is similar.

Keywords: Lithuanian statute, Cathedral Code, crime, harm, witness, punishment.

References

1. Dvornichenko A.Y. Historiography of the Grand Duchy of Lithuania and «An outline of the history of the Lithuanian-Russian state» by M.K. Lyubavsky // *Proceedings of the Historical Faculty of St. Petersburg University*. 2013. № 12. P. 97–120.

2. Vladimírsky-Budanov M.F. Relations between the Lithuanian Statute and the Code of Tsar Alexei Mikhailovich (Concerning the "History of codification" by S.V. Pakhman, St. Petersburg, 1876) // *Collection of state knowledge*. St. Petersburg, 1877. 420 p.

3. Tomsinov V.A. The Cathedral Code of 1649 as a monument to Russian jurisprudence // *Legal studies*. 2007. № 1. P. 162–188.

4. Satolin V.N., Rapyan Yu.Kh. The Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1588 and the Cathedral Code of 1649: comparative legal analysis // *The Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1529 and its historical and theoretical understanding: materials of the International sciences'-practical round table dedicated to anniversary of the historian of law, Doctor of Law, prof. T.I. Dovnar, Minsk, 11 castres. 2019 / Belarus State University; editorial board: S.A. Balashenko (Editor-in-Chief) [and others]. Minsk: BSU, 2019. P. 310–321.*

5. Fedorova A.N. The Cathedral Code of 1649 in the system of sources of law // *Bulletin of the Samara Law Institute*. 2014. № 3 (14). P. 53–60.

6. Tomsinov V.A. History of Russian jurisprudence. X–XVII centuries: Textbook. 2nd ed. reprint and additional. M.: Zertsalo-M, 2017. 212 p.

7. Kodan S.V. Formation of the system of legislation in Russia (IX – mid-XVII century) // *Bulletin of the Ural Institute of Management. Economics and Law*. 2010. № 3 (12). P. 14–21.

8. Dambrauskaitė A. Le droit civile Lituanien: avant et apres l'adoption du Code civile en 2000 // *Jurisprudence*. 2010. № 3 (121). P. 195–211.

9. Lazutka S.A. I Lithuanian Statute – Feudal Code of the Grand Duchy of Lithuania / Ministry of Higher and Secondary Special Education of the Lithuanian SSR. Vilnius V. Capsukas State University. Department of History of the Lithuanian SSR. Vilnius, 1973. 211 p.

10. Kazlauskienė R. Nusikaltimo samprata Lietuvos Statutuose ir Corpus Juris Canonis // *Jurisprudencija*. 2004. V. 61 (53). P. 76–84.

11. Fedorova A.N. The concept of offense according to the Cathedral Code of 1649 // *Eurasian Legal Journal*. 2012. № 1 (44). P. 44–47.

12. Bagdžius Ju. Laidavimas Lietuvos baudžiamojoje teisėje // *Teise*. 2019. № 112 (7). P. 6–20.

13. Kulikovskiy A.P. Features of the legal regulation of testimony in the Cathedral Code of 1649 and «new proof» articles // *Gaps in Russian legislation*. 2011. № 5. P. 226–228.